

Вишнёвая пряжа

(стихи, эссе)

Николай Воронцов

Вишнёвая пряжа

(стихи, эссе)

Малоярославец
2001

Оформление
обложка: Денис Белов
книга: Александр Журавлев

Николай Воронцов

Вишнёвая пряжа (стихи, эссе). — М.: Саттва, 2001. — 48 с., илл.

Эта книга о корнях и ветвях, о холмах и ручьях, о родной калужской земле, о славной битве под Малоярославцем в 1812 году и о битвах нынешних. Эта книга для тех, кому не чужд поэтический взгляд на мир, кто готов в проявленном увидеть сокрытое.

© Н. Воронцов, 2001

С пожеланиями и предложениями обращаться: mobidoctor@rambler.ru

Город жатвы

Ярославец в октябре

Изгиб реки прочертил ковш на заливном лугу
Медвежьем.

Хоровод седовласых ив — вдов Ивановых.

Изморось посеребрила поле.

Узоры садов на склонах, по ярам и оврагам —
багряной зубчатой опушкой.

Шапкой княжеской высится плаха городища.

Большая Медведица повисла секирой
над Буниной горой.

Горький запах вишневого листа
в звездистой, сторожной темени октября.

Герб.

«Руны победы,
Коль ты к ней стремишься,
Вырежи их на меча рукояти...»
(Старшая Эдда)

***

«... В Этрурии и Венеции (землях этрусков и венедов) к алфавиту относились как к объекту, имеющему божественное происхождение и могущему оказывать магическое воздействие».

«Интересно, что в свое время неоднократно выдвигалось мнение о том, что рунической письменностью могли пользоваться и славянские народы. Возможно, это вызовет у читателя определенное недоумение — так привычно считать славян до христианства и Кирилла с Мефодием неграмотными. А между тем, существует множество фактов, опровергающих этот догмат».

«..постепенно проясняется картина возникновения славянской и германской рунической письменности. Еще в I тысячелетии до Р.Х. венеды использовали знаки североиталийских алфавитов...Примерно в конце этого тысячелетия, или в начале следующего, эти знаки могли позаимствовать у них (в полном согласии с мифологией!) предки германцев... и в это же время — или чуть раньше — началось продвижение прарунической письменности на восток и северо-восток, в будущий славянский мир».

(А. Платов, «Руническая магия»)

«... тут-то вполне уже *Малоярославец* соответствовал своему гербу: «разъяренный медведь, вооруженный молотом» — как бы в этом символическом гербе заключалось какое-то давнее прорицание неслыханной давней защиты».

(Глинка В.С., «Малоярославец в 1812 году»)

«Прорицание защиты»

Славен эриль*, что вырезал руны на щите твоём, —
Остров, омытый ветрами, ладьею над лесом плывущий,
О, Лужагощ, город Медвежьего луга!

Светом серебрянным поле залито,
Руны багряны — герба твоего, Ярославец.
Одинадцать рун «прекращения» — «Отал» — скрыты от глаз
в узоре опушки зубчатой,
Руны «Кано», вдвое их больше, — рдеют огнями пожаращ,
А руны «Эйваз» — кони гнедые, — в стороны света летят,
обласканы Власьем;
В силуэте могучем, бредущем на запад угрюмо,
видится руна «Йяра» —
Знак года — перста, когда повернулось пространство
в двенадцатый день октября,
Как Феофан на солнце кафтан свой накинул.
Сдюжил медведь, собирая богатую жатву,
Дремлет, отведавши ягод вишневых,
пугает окрашенной мордой —
лукавый, матерый, спокойный.

* Эриль, позже скальд, — тот, кто владеет мастерством написания рун.

«... Помните ли вы это злосчастное поле битвы, на котором остановилось завоевание мира, где 20 лет непрерывных побед рассыпались в прах, где началось великое крушение нашего счастья? Представляются ли вам этот разрушенный кровавый город и эти глубокие овраги и леса, которые, окружая высокую долину, образуют из нее замкнутое место? С одной стороны французы, уходившие с севера, которого они так боялись, с другой стороны у опушек лесов — русские, сохранившие дорогу на юг и пытавшиеся толкнуть нас во власть их грозной зимы. Наполеон — посреди этой долины...»

(Адъютант Наполеона граф де Сегюр...)

«Победа при Малоярославце 12(24) октября 1812 г.» И. Бегров по оригиналу Д. Скотти. 1814 г

«... Вспомним, кто же населял североиталийские земли во времена существования этих (североиталийских) алфавитов. Этруски и .. веныды! Веныды — один из праславянских народов — в то время прекрасно уживались с этрусками на апеннинском полуострове. Позднее они покинули эти земли, оставив после себя несколько сотен надписей, язык которых, несомненно, славянский».

(А. Платов, «Руническая магия»)

«... Вице-король выдвинул дивизию Пино, состоящую из одних Итальянцев, пылких детей Юга, перед взорами Наполеона в виду Французов они шли стремительно, как ладья по ветру на парусах; яростно бросились, как лава Везувия на наши колонны, обливая их кровью; впереди отважных рядов шли офицеры лучших знаменитейших семейств Италии. Кровь доблестных потомков, гордящихся древними геральдическими гербами своих предков, смешалась с кровью простолюдинов.

Не под бархатными, пышными балдахинами, украшенными страусовыми перьями, не в склепы положили их трупы, но по ним прошла пятой вся итальянская гвардия и две дивизии Французов...»

(В. С. Глинка, «Малоярославец в 1812 году»)

«Итальянцы, честь этого дня всецело принадлежит вам».

(Наполеон после сражения при Малоярославце)

На Спасском холме Малоярославца

Еще Наполеона тверд был дух,
И галльский флаг в Европе гордо реял,
Когда пожар раздул рассерженный Борей
В лесах Гипербореи.
С заката накатились войск валы,
Но, грудью — в грудь, разбились об утесы.
В Италии был винограда урожай,
А в землях россов леденели росы.

«Скорей на юг — оставить за спиной зиму» —
Последняя надежда властелина.
Войска идут, послушные ему, —
Так чарам гончара послушна глина.
Гвардейский козырь властелина
В борьбе стихий, в игре богов
Блеснул штыками среди лугов.
Друзья, — опора сына, вице-короля,
Со славой полегли. Зарделися холмы.
Кровь итальянцев приняла земля...

Барды войны из Ломбардии,
Туринцы и миланцы королевской гвардии,
Со склонов Альп и каналов Венеции,
Пассионарии Пьемонта и долины По...
Телами вы покрыли Спасский холм,
Спасая честь свою и императора лицо,
Искали славы, и покой нашли
Во рвах и ярах Ярославца.

Южное солнце — в букете вина,
Ветер — играет листвою олив.
Севера солнце — в запахах сена,
Дремлет Борей меж вишен и слив...

*«Проводы ополченца» Гравюра А. Ухтомского
по оригиналу И. Лучанинова. 1812 г.*

Лубок 1812 года

Не прошло и ста лет
от Петровых побед,
Опять по над Русью —
набатный звон.
Дошел до поля Бородинского
Бонапарт Наполеон.
Там «непобедимым» и задали
жару,
А в Москве бревенчатой —
петухи пожаров.

Ветер студеный в столице
спаленной
Гонит на запад грабителей
с ворохом

Воздух тревожный — пороша
с порохом.

Вот Иванов луг и речушки лук,
Ополчения отряд охраняет
мал-град.

Неприятелю снедь приготовил
медведь:
Встал на дыбы — дыма столбы,
холмы воды.

Пули шальной горячий свинец,
Мчится в Тарутино с вестью
гонец.

Лагерь взвился от стремянного
звона:
Дохтуров встретил отряды
Дельзона!

Рев каннонады, пылают сады,
Смерть заполняет яры и рвы.
Бой рукопашный, стоны и
крики:

С нами отныне крылатая Нике!
В яростной сече — русичам слава!
Победы венец — Я-рос-ла-вец!

Запутавшись в вишневой пряже
На городище ветры спят.
Из века в век, витые ветел кряжи
Иваново ристалище хранят.
Где в полосканьи родников
И в зной таится стужа,
По гобеленовым лугам
Клубит туманы Лужа.

Каменный брод

В Ярославце — городе
Битва была знатная,
Но для строя конного —
Тесен разворот.
Атаман нас батюшка,
Матывей Иванович,
Ночкою осеннею
Провожал в поход.
«Потрепите, соколы,
Петуха французского,
На рожон не лезьте,
Маршем и в обход,
Берегом по реченьке,
Краем по торфянику,
По обозам вражьи
Ударяйте влет».
Из усадьбы Панское
Выступали затемно,
Под горой крутою
Отыскали брод.
Ночь была осенняя,
Кони быстроногие,
Крадучись поехали,
Кто там разберет?
Эх, кабы не взвилися мы
С молодецким посвистом,
Взяли б Бонапарта, —
Кончили поход,
Но душа казацкая —
Силушка горластая.
Ой, ты, ночка темная,
Каменистый брод.

*«М. И. Платов». Неизвестный художник. Копия с оригинала
А. Орловского 1812–1813 гг.*

Иванов чай

Дорогами Суворова-паши,
Чей воинский задор
        был европейцу страшен,
Солдат наполеоновский пошел,
Гортанно песнь запел
        на шири русских пашен...

Идем туда, где теплит
        ненадежный свет

Иванов чай —
        плюмажем в белой ночи,
Где на Купалу возжигает цвет
        над кладом скифским
        трепетные свечи,
Где золотом покрыты купола,
        и тучные хлеба дарят поля...

Берез простоволосых космы —
Аллея версальских жалкое
        подобье,

Обугленные остовы мостов,
И взгляд раскосый исподлобья,
И ... порохом дыхнет вдруг
        из кустов.

И запах — запах гари хлебной,
Взамен регалии победной.

Не меряй русла русских рек,
        не зная броду,
В бреду привидится Бородино,
Пожар в Москве — и пиррова победа.

Потери каждодневные считать?
Спешить на юг иль мира ждать?

Минуло лето. Свет ночей угас.
За стены смотрит галл,
        и пыл его потух.

Окрест доносится набатный глас,
Гогочут гуси и... кричит петух.

Здесь ненадежно все. Не избежать беды.
В тумане — вилы в бок: война без правил.
Лис одноглазый путает следы,
Закрыв в курятнике и сторожей приставил.

Смешалось все — ни фронта нет,
        ни тыла,

Вера в победу остыла,
И бронзовой пчеле
        с империи герба

Нет опор для крыла.
В этом небе стальном с просинью
Не собрать ей медов под Медыню,
Не отведать вишневой камеди
В разоренных садах ярославцевских,
Не согреться
        от меди

        литавр.
Медведь с секирой
        разъярился —
        русский кентавр.

Студены воды здешних рек,
        и нету броду.
Не нам любить их дикую природу,
Не нам познать их скифскую породу!

По ребрам истерзанной армии,
Хрипящей гортанно в бегах,
Вдоль шеренг берез побеленных,
Солнце латунное тонет в снегах.

«Отступление, бегство» В. Верещагин. 1887–1895 гг.

***

Прогрохотало, прорычало по Русской равнине воинственное, грозное «ур-ра»: Бор-родино, Чер-рнншн, Тар-рутино, Яр-рославец, Кр-расное и Бор-рисов — пока не канула в студеных водах Березины слава «Великой Армии».

***

«Бонапарт, — этот гордый завоеватель ... бежит передо мною более трехсот верст, как дитя, преследуемое школьным учителем...»

(М. И. Кутузов)

«Быстро!»

От Карижи до Парижа —
на закат...
Сколько пушек здесь оставим
и солдат?
Что геройство, что победы? —
втуне все,
Как фортуны повернуло колесо,
Зашаталось, покатилося по костям,
По губерниям, уездам, волостям.
Кто от ран, кто от морозов занемог,
Пар дыханья остывает у дорог.
За спиной кричат казаки:
«Бы-стр-о!» —
Тень погони нагайкой повисла.

От погоста на Кариже —
на Париж!
Чертит небо над Версалем
черный стриж.
Словно солнца луч — сверлит
кары рок,
Эскадрон гусар летит
вдоль дорог.
Под мохнатыми бровями —
искры,
Нагоняют и кричат: «Быстро!»

Цепенеет в ожиданьи Париж,
Теплит свет лампы
древний Кариж.

«Уральские казаки» Акварель неизвестного художника. Начало 19 в.

«... У нас, русских, особенное, глубинное поклонение матери-земле. Мы — «земляные люди», внутренние, хотя и живем под небесным прикровом Богородицы. Любовь к земле извечная, как Русь помнит себя, мы живем этим мистическим необъяснимым чувством, оно не тяготит нас, мы с ним рождаемся и умираем. Многие русские солдаты, не имевшие и клочка земли, умирали, не щадя живота своего, не за какой-то высокий идеал, не за царя, не за веру даже, но за мать-сыру землю, которая породила, — и ей нельзя изменить ни за какие сладкие коврижки. Уже позднее это чувство как-то утончили внешне, припудрили, придали иные формы ему, призавесили символами, но изначальное родовое исконное знание, живущее в груди русского народа с незапамятных времен, оно куда глубже, неиссякаемое и вернее всех привносимых извне государственных понятий и этических уроков... Во всякой молитве мы отдаем поклон не только Богу, но и земле; мы клянемся ей, доверяем ей, полагаемся на нее, хвалим, чествуем и пестуем, как истинную мать свою...»

(В. Личутин, «Плывущий против течения»)

Ода Казанскому собору Малоярославца

Собор, собор, ты над долиной и рекой
Ввысь устремлялся, шеломом покрытый,
Плыл медный бас колоколов, отлитых
В те непонятные, далекие года,
Когда средь нищеты и испытаний,
Духовная рождалась красота!

Ты — гордость непокорных горожан,
Прославивших «медведя и секиру»,
Во времена «пожаров и грозы»
Явивших доблести геройской образцы
Крещену православному миру.

Надежно охранял ты прах
Достойных пращуров усопших,
Под дланью стен, под сению крестов
Корней приникших и покой обретших.

В одеждах ветхих, без отличий и наград,
Стоишь перстом у поворота тракта.
Списали «под чистую», на покой,
Иль только видимость антракта?

Вот, — грош кладу к твоим стопам,
Когда б, собрать по миру нитки,
Чтоб каменны заштопать кружева,
Разгладить стен морщинистые свитки.

Коловращенье

Старая калужская дорога

Коловращенье

В рогах у вола
сияет звезда —
спасения и волшебства. РОЖДЕСТВО

В студеной избе
разорвал паутину дыханья
крик петуха. СВЯТКИ

Снежным голубем
в польньях веры жар,
неба всполохи. КРЕЩЕНЬЕ

Красный гребень
на столбе света,
лоснятся горки. МАСЛЕНИЦА

Вздел Ярило
зиму на вила,
капель порог подмочила. ЕВДОКИЯ

Марья зажгла снега,
ручьями размыты сласти,
мачехи марево. БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

От летаргии очнулась пашня,
проклюнулись зерна,
озноб литургии. ПАСХА

В страстном порыве,
в воздухе пьяном,
черемухи цвет опадает. НИКОЛА

В небо струит земля ароматы,
в белой ночи
лесные поляны. ВОЗНЕСЕНИЕ

Рожь колосится,
венки хороводов,
ветви и корни. ТРОИЦА

Сада поникшие ветви
дождь расплетает долгий,
косы звенят. САМСОН и КУПАЛА

Русалий нагота померкла,
тепло свое купели
вернули небесам ревнивым. ИЛЬЯ

Вихри и грозы,
знойные осы,
поспели запахи. СПАС

В храмах дубрав —
холмы даров,
россыпи самородков. ВОЗДВИЖЕНЬЕ

Взбита перина полей.
В пружинах луковиц время свернулось.
Белых снов круговерть. ПОКРОВ

Вод дыханье остыло.
Синица под своды влетела.
Зябко. ВАРВАРА

«Деревня подобна женщине, она стоит у колыбели народа. Она — источник жизни. Она дает людям... пищу, незатейливую поэзию повседневности и те изначальные ритуалы поклонения красоте, что словно бы сами по себе рождаются в деревне ...»

(Рабиндранат Тагор)

Ендовище

Старинное, дремучее слово — «ендовище». Ендовой называют и округлой формы овраг — котловину, и древнерусский сосуд ладьевидной формы с широким горлом, употреблявшийся для разлива напитков на пирах. В давние времена принцип вездесущего подобия: «что на небе — то и на земле» — был близок и понятен всем. Каким поэтическим было мышление наших предков! Люди и боги пировали, пили из своих чаш — «ендов», жили под единым сводом, где сияет в ночи величественная «ендовища» Большой Медведицы.

В детстве, за родниковой водой для чая бабушка посылала нас на ендовище». Мы бежали всякий раз с радостью, хотя на обратном пути нужно было подниматься в крутую Аленину гору. Ендовище встречало нас запахами сырости и свежести. Мы вмиг умолкали, делались серьезными, подсознательно ощущая особенность каждого свидания с источником. Из низкого, почти вровень с землей сруба глядел единственный, но всевидящий глаз. На дне бурлили фонтанчики песка, а вода была столь прозрачной, что менялось восприятие размеров и глубины пространства. Ендовище завораживало, напоминало о чем-то давнем и сокровенном, наделяло силой. В гору идти было легко...

Суходров

Замшелый вяз на берегу реки
Листами не шумит — сухи его суки.
Ветра свистят в седых ветвях,
Да волны плещутся в корнях.

Беглец усталый Суходров
В лесах находит стол и кров,
К невесте Шане устремясь, —
Что из полона русский князь.

Освободившись от оков,
Течет, петляя меж лугов,
Иссохший странник Суходров...

Село Недельное

Неделимое, нераздельное,
Радость детская неподдельная.
За Барсиной сырой — Алена гора,
Шиповник в цвету
у Малинихиного двора.

Бродит гроза, квохчут индюшки,
Сладкие сны на сеной подушке.
Рокот дождя, лужи и «цыпки»,
Кроны шатрами раскинули Липки.

Воды живые струит ендовище,
Полные ведра — в бабушкином жилище.
Беседы за чаем: «Наш генерал,
Рябов — кузнец, покосы, аврал...»

Шлепают пятки по теплой пыли,
Тропки в полях, запах земли,
Стакан молока, земляники лукошко,
Светлая ночь смотрит в окошко.

Костры и рыбалка, гулянья окрест,
Статная поступь сельских невест,
Румянец свиданий, клевер в лугах,
Дрожь и истома в усталых ногах.

Смежились веки — меж времен,
Сон или явь, явь или сон?
Белые камни глядят из травы
Древней старушки — Алены горы.

— *Their financial system is really a «banana».*
(из разговора двух джентельменов в 90-е годы)

Чугуй

Под луной ничто не ново,
                                всяк бывало на Руси.
Коль не веришь больше слову,
                                деда старого спроси.
После битвы злополучной
                                на реке, на Калке,
Князей полоненных катали в ковры, —
                                будто скалки.
Пировали степняки на живых мешках,
Зубы скаля, сыпали
                                сытыми насмешками.
Юшкой алой умылись ратнички,
Запрягали степенно, однако ж,
                                не мешкали.
Было поле Куликово,
                                где за каждое бранно слово,
В поле брани, в поле славы —
                                дали прадеды ответ.

За «бугром» ничто не ново,
                                деньги в долг, но — «под совет».
Шито все, и все готово —
                                не пролить на дело свет.
«Бу-бу-бу», да «бу-бу-бу» —
                                домовой бубнит в трубу:
«Я на рельсы лечь могу!»,
«Против лома нет приема
                                «акромья» другого лома!»

«Стрелки» — встречи, уговоры,
                                В коридорах вьются воры.
Завывают голоса: что им божья роса?
«Вычучер» прячьте на поле чудес!
Вырастим вместе банановый лес!
Деньги реальные! В этой стране!
А за Чугуем, в стороне,
                                капиталы не потонут?
«К непогоде кости стонут,
                                уж теперь начнет мести...» —
Печку затопила бабка —
                                «Вам бы ваши обещанья ... Господи, прости».

Огненная вода

Комета пролетела, крысиный
                                минул год.
Касьян-косарь устало
                                подвел итог невзгод.
Рядом пропела судьбы коса, —
Просыпалась с неба
                                огненная роса.

Мы выжили, но не прирос наш род.
Глядит на свет через стакан
                                народ.
Частушки даже спьяну не поет:
Тот — высох, почернел —
                                без всякой меры пьет,
А тот — от жадности разбух,
Похож на бюргерский гроссбух.

Мы синим пламенем горим, —
Лишь призрачной надеждой живы,
И пьный лепет заглушил
Души расхристанной призывы.

Меж тем, прорублено широко, —
В полхаты, на закат, окно.
Темно. Сквозит. Наплыли
хмуры тучи.
В кручине муромский Илья —
Все калики нейдут, водицы
не несут,
А жизнь все вертит «круче».

Тучи на небе — тыщи в кармане,
Тыща в кармане, что вошь
на аркане.
Ветер в карманах — и то не беда.
Лекарство готово —
«огненная вода».

*«Уже бо, братие, не веселая година вѣстала,
уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала
обида вѣ силахъ Дажьбожа внука...»
(«Слово о полку Игореве»)*

Калинов мост

Дождь Дажьбогов льет на просторе суглиновом,
Ветер поет о мосте Калиновом,
Искры сыплет меча металл...
По крест уж Ивана втоптал
Гад ползучий — щерит оскал,
Ствол народный обуглен,
Да корень не перестал.
Нечистая сила давит и прет,
Проснись, старший брат,
Настал черед!
Стонет речка Самородина,
Выходи на бой с уродиной!
Водою в лицо плесни,
Да откроются твои уши!
К Мати-сырой припади,
Родимую — слушай.
Дни стали подобны ночи,
Саван накрыл дом отчий,
Но рано нам ставить свечи,
Клокочут в груди ключи!
Вглядись в родниковые очи:
Студена вода, что горяча слеза,
Плечи расправь и...открой глаза.
Открой глаза!
Внук Дажьбогов встал на мосту Калиновом,
Ветер песню сложил о просторе суглиновом...

Вишневый город

«Славился Малоярославец своими вишневыми садами, среди которых он буквально утопал. В 1900-х годах урожаи вишен были настолько обильны, что жители города не могли с ними справиться, и на помощь им приходили жители всех окрестных деревень. Это сопровождалось обычно пением, и казалось, что весь город поет от зари до зари. Непрерывным потоком обозы с вишней шли в Москву».

(из кн. «Малоярославец» В. Беспалова и А. Дмитриева;
Калужское книжн. изд-во, 1962 г)

Деревья в городе

На кладбище старом дичает сирень.
В тесноте аллеи липы чернеют стволами,
Худосочно в высь устремясь, пышность теряя крон.
Вековые вымерли вязы вдоль монастырских оград,
И срублены тополя — не лопочут
первой, клейкой листвой.
Окест не видно статных дерев.
Лишь на границе, Чуром хранимой с востока,
собралось гордое племя дубов.
Лысеет глава твоя, город, —
залитый светом, седой Ярославец.
Одно утешенье — пряжа плодовых садов.
Трижды в году радуют вишни — достойные песен,
сердца простых горожан.
Кружевом белой вуали — цветеньем,
Скрывают прорехи — унынья и грусти следы.
В знойные летние дни, кровавыми рдея кистями,
Солнечный жар единя с соками древних холмов,
И в хладе ночей конца октября,
когда остывает природа;
Горький же запах листа — пьянит обещаьем уюта,
тепла от наливки вишневой,
беседы в доме родном.

Под вишней

Луч солнца все еще в земле звенит.
В зените — звезды. Воздух тих.
Под вишнею «невестной»,
словно самурай,
В краю родном —
вдыхаю грудью май.
Слезы нектар — очей роса блестит.
Нет мыслей и границ,
нет слов, чтоб чувства передать...
Цвет сыплет серп луны,
Мерцает благодать...

Гекзаметры

*«Узость мысли есть
покушение на величие природы»
(Гердер)*

Слова философа не праздны, узость мысли стала опасна.
Прокрустово ложе тесно, тщедушные всходы — сознания роды.
Привычной стала скверна «покушения на величие природы».
Не нам ли сказал когда-то искушенный в мудрости Гердер?
Если в пещерах безверья света надежды ждете,
Не ищите норм и отличий — примите потока теченье,
В слиянии — истинно упоенье, духа глас — в высоте.
Пропорций сосуды наполнит под сводами звуков биенье,
Ионический ордер древний гимн пропоет красоте.

***

Радугой свет играет в каплях соленой влаги.
Глиняный тела сосуд наполнили жизнью боги.
«Каждый рождается Буддой, потом забывает про это»,
Воспоминанья терзают порою ученых, влюбленных, поэтов.
В пяти-лепестковый сосуд сошел вездесущий Бог, —
В яблони белый бутон, на развилке звездных дорог.

Герда и Кай

В небе темном и высоком,
звезды — на ветвях росой?
Или верба просияла
неземной своей красой?
Раздробилась в польнях
сребролика луна,
Зазеркальный мир очнулся,
пробудился после сна:
По корням взбегают токи,
Сладки соки наполняют
совершеннейшие сферы.
Жизнь пульсирует и дышит,
Расширяя формы — меры.

По ночам колдует воды
безутешная Зима,
Но из фьордов сердца плена
На простор выходят
льдины...

Гепардовый луг

Я не мог налюбоваться —
Вишней в снежном оперенье,
На зеркальной глади —
Птицей, расправляющей крыла.

Я порывом страсти нежной
Увлечен был не однажды,
И одежда из деяний
Износилась, не бела.

Утолить не мог я жажду
Из бутона розы юной,
На соцветья ночи светлой
Загляделся до утра...

Перламутровые трубы
Арьергарду сбор пропели,
По гепардовому лугу
Парашюты полетели...

Жемчугов собрал я росы,
Соловьев просыпал трели,
Мне в черемушной метели
Нить дороги не найти...

Вознесет трезвящи гимны
Хор цикад — волынки, скрипки,
Сонм надежд совется в кокон.
Зимний сон. Ночлег в пути.

Сад зеленый

Вяз. Шершавая твердость и стройность ствола, резное изящество листьев, — роднят молодой вяз с вишневым деревом. Крепок и благороден, исполнен достоинства вяз На английском языке «вяз» — звучит, как удар церковного колокола — «elm».

Еще лет двадцать тому назад кроны столетних вязов окружали «черный остров» Никольского монастыря и удивительно гармонизировали с архитектурными элементами его главного собора. Не страшны вязам ни суровые зимы, ни течение времени, — они успевают вырастить вокруг себя молодую смену. Поразила ли их «ильмовая чума» — грибок, переносимый короедами, или вязы не вынесли запаха испарений, протекающих вдоль западной стены ограды монастыря? Кто знает? Может быть теперь, когда звон колоколов ободряет и очищает пространство вокруг, вязы вырастут вновь?

Тополь. В последнее время на улицах городов избалованной садоводческими и парковыми изысками Европы все чаще стали высаживать серебристые, белые тополя. Их опушенные, подбитые серебристым бархатом листья хорошо связывают пыль, которая потом уносится с водой во время дождей. Сами же тополя при этом почти не страдают, в отличие, например, от «изнеженных» лип. Только тополю под силу очистить «авгиевы конюшни» современных городов, — не даром древние греки посвящали это дерево Гераклу. Тополь — первопроходец, — первым зачинает весну и первым, еще летом, указывает на приближение осени. Может быть потому, что тополь «всегда впереди», обнинцы избрали его в качестве визитной карточки своего зеленого города — высадили у станции рощицу пирамидальных тополей.

Когда-то в деревне Радищево, у пруда, в окружении одичавших кустов сирени — надежной приметы «дворянских гнезд», рос величественный серебристый тополь. Стоит ли еще этот потомок тех самых белых тополей, которых А. Н. Радищев еще в 1801 году «увекочил» в «Сафических строфах»?

«Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежно веют, шумят листьями
Тополы белы».

Древний Филострат писал о том, что на святом острове, в блаженной стране античных героев, в священной роще Ахилла растут только серебристые тополя и вязы — деревья, посвященные героям...

Вишня. Говорят, что малоярославчане стали разводить вишневые сады лишь после войны 1812 года, и сады эти стали одним из символов Малоярославца. Что же за дерево такое вишня, почему хорошо прижилась она

здесь? Может быть ей по нраву крутые склоны глубоких яров? Слово «яр» — тюркского происхождения, и обозначает высокий, крутой берег, подмываемый рекой. Намылы яров речушки, впадающие в Лужу, особенно отличилась Ярославка. Южные всхолмленные склоны, промытого ею оврага, уже в конце зимы прогреты солнцем — это яркий Ярило празднует «весну света» на красных горках. У древних славян поклонение Яриле было праздником весны и плодородия, так же, как и поклонение Яровиту у соседей балтов. Восторг от тепла и света — такой естественный после долгой зимы! Не так ли по весне радуются теплу яровые культуры и сады?

Родом вишня — из юго-восточной Азии, где всегда тепло и солнечно. Не потому ли схожи по звучанию слова «вишня» и Вишну — имя солнечного божества, «хранящего и обновляющего», — в ведической религии древних ариев, которые, как известно, были предками всех индоевропейцев и славян в том числе. Не из Индии ли вместе с вишней «прибыл» и жук-трубковерт — враг «вишневого семейства», так называемый «вишневый слоник»?

Образ цветущей вишневой ветви, залитой лунным светом — любимый образ в жанре поэзии хайкай, в котором отличились «всегда готовые к смерти» и потому обостренно воспринимающие красоту бытия самураи. Цветение сакуры — общенациональный праздник у японцев.

Почему японцы выбрали для поклонения именно вишню? Может быть потому, что «женственность» цветущей пряжи укрывает «мужскую» грубость ее ствола, что является наглядной иллюстрацией философского принципа всеобщей гармонии противоположностей — Инь и Ян, Нави и Яви, тьмы и света? Или же потому, что цвет древесины у вишни красноватый, а сок ее ягод брызжет, как жертвенная кровь из боевых ран? Нежная красота вишневого цвета быстротечна, как само время и оттого столь пронзительна! Вид цветущего вишневого сада вызывает какое-то щемящее чувство, в котором смешиваются восторг и грусть.

В Европе наиболее известны сорта вишен «мореле» и «амореле». Именно так — «мореле» и «амореле», смерть и ...любовь. Прекрасная — солнечная, багряная, жертвенная вишня.

Провожая на государеву службу рекрутов, пели на Руси песню:

«Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зелененький,
Ты зачем, садок, отцвел,
Осыпашься?
Ты куда ли, милый мой,
Собираешься?
Ты во путь ли, во поход,
Во дороженьку?»

Ты со всеми, милый мой,
Распрощаешься,
А со мною, молодой,
Все ругаешься.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: «Милая, прощай!»
Тут летела пава
Через синие моря,
Уронила пава
С крыла перышко.
Мне не жалко крыла —
Жалко перышка,
Мне не жалко мать-отца —
Жалко молодца,
Предстояла молодцу
Служба царская,
Служба царская,
Государская!»

Красивые и мудрые слова! Какими древними образами веет от них! Четырежды повторяются слова «сад» и «садок». Четырежды повторяются слова, передающие образ служения: «поход», «служба царская», «государская». В древних культурах, именно четверка обозначала и четыре стороны света — образ похода, и крестовину дерева во всех его ипостасях — дерева государственного и родословного, дерева земного и небесного, дерева животворного. Сегодня мы забыли об этом, но в глубинах нашего подсознания, хотим мы того или нет, среди корней древних и наследуемых образов — архетипов, дремлет память предков.

Сказано в старинной книге: «Перо, выпавшее из крыла птицы, производит гром в отдаленных морях...» О чем это? Способны ли мы теперь понять и прочувствовать такое?

Слетают лепестки. Осыпается вишневый цвет. Не каждый цветок рождает завязь. После праздника цветения сиротеет сад. Бреют головы рекрутам, и падает перо птицы — павы...

«... Во строю солдат
Тяжело вздыхал:
«Мне не жаль, не жаль
Самого себя,
Только жалко мне
Зелена сада...»

Пряжа вишневых садов укрывает город Ярославль, а в тех садах воркуют, причитают нараспев, прилетающие из полуденных земель, сказочные птицы — кольчатые горлицы.

Как мудры были горожане, сажая вишневые сады на местах бывших сражений! Какой прекрасный памятник солдатской славе создали они! Сохраним ли мы сады?

Дворцовые тени

Василий Иванович Баженов родился в 1737 году, в селе Дольское, неподалеку от села Детчино. Относительно названия последнего существуют различные мнения, поэтому можно представить еще одну версию, выстроив топонимическую цепочку: Детчино — Детинец — Кром — Кремль, исчезнувшего и затерянного во времени града Суходрова. Ни прежде, ни после Баженова никто не рискнул перестраивать московский кремль, который, в свое время, строился при участии итальянских мастеров. Баженов же учился и получил признание в Италии, став членом академий Флоренции, Болоньи и Рима. Решиться на такое можно было только в щедрый на потрясения и богатый свершениями, — «век золотой — Екатерины», но при том даже она — полновластная императрица, вынуждена была прибегнуть к «публичному обсуждению» проекта нового кремлевского дворца.

Какой небесный огонь питал смелые творческие замыслы великих личностей 18 века? Судя по всему, в годы правления «лучезарной» Екатерины II, наше светило было в одном из пиков своей активности. Об этом может свидетельствовать, в частности, эпидемия чумы в Москве, и вызванный ею «чумной бунт» 1771 года. Не удивительно, что характерная для солнечной активности периодичность (с циклом около 11 лет), оказалась еще более выраженной и отчетливо проявилась в то время в исторических событиях и человеческих судьбах.

По воле провидения перестройка кремля началась через 11 лет после убийства Петра III и совпала с началом крестьянской войны Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.). Спокойствие императрицы, как, должно быть, и российская казна — были разрушены. Работы остановлены. Пять лет труда архитектора — «кошке под хвост». Может быть, в сознании царицы оказались

каким-то образом связанными: убийство мужа, Пугачев, объявивший себя новоявленным Петром III, реконструкция Кремля и образ главного строителя — Баженова.

Прошли годы, и в 1786 году, — еще через 11 лет, история повторилась, теперь уже в Царицыно. Семь лет работы архитектора — впустую. Как только царица, еще издали, увидела новый дворец, напоминающий своим красно-белым декором Кремль, тень набежала на ее лик. Она, как известно, назвала дворец склепом и повелела сломать его.

Впрочем, недобрые предчувствия Екатерины II отчасти оправдались. После этого «сиятельная императрица» так и не завершила свой последний 11-летний жизненный цикл, а сын ее, Павел, заняв трон после смерти матери в 1796 году, повторил судьбу своего отца — был убит заговорщиками во дворце, построенном по проекту Баженова — в Михайловском замке. Произошло это в 1801 году, через 11 лет после того, как радищевское «Путешествие...» увидело свет, перепугало императрицу и обрекло своего автора на 11-летнюю ссылку.

В. И. Баженов родился 1 марта 1737 года, — в день, когда «Ярило вздевает зиму на вила». Ушел он в мир иной в 1799 году, в блеске славы, облаканный Павлом I. В том году опальный Суворов одерживал блистательные победы в Италии. Это было на Ильин день, про который в народе говорят: «немало изб суровый Илья с землей поровнял». Баженовские творения — дома и дворцы устояли во времени, пережили московский пожар 1812 года и, как и прежде, радуют глаз. Дом Пашкова смотрит своим строгим классическим фасадом на Кремль, в позолоте куполов которого так же, как и сотни лет назад, отражается солнце; все так же соколиная служба гоняет вороны над Боровицким холмом, а Царицыно, с легкой руки Екатерины, снискало недобрую славу геопатогенной аномальной зоны.

***

Зодчим не принято ставить памятники. Память о них хранят величественные дома и дворцы, созданные их творческим гением. Василий Иванович Баженов был не только прославленным архитектором, но и учителем, воспитавшим целую плеяду талантливых учеников. Увы, на земле, родившей Баженова, нет ни его творений, ни памятника великому земляку. Когда-нибудь настанут лучшие времена, и в центре Малоярославца встанут рядом в бронзе — Баженов и Радищев, — два светоча, озарившие гармонию пропорций, — в камне и в слове, — «золотой» 18 век России.

Сад озябший

«Немцово я нашел в великом расстройстве ... у каменного дома развалились даже стены. Я живу в лачуге ... сад как вызяб, посадки не было, забора нет ... лес в значительной степени вырублен».

(А. Н. Радищев, из письма отцу)

Во времена ученичества во второй городской школе, что приютилась в развилке дорог, как цветок меж листья невзрачных строений окраины, пребывая на уроках в состоянии легкого транса от скрипа мела по доске и усыпляющего журчания учительской речи, выглядывая в окно, я мог видеть строгий силуэт Александра Николаевича Радищева. Иногда мне казалось, что нечто важное ускользает от осознания, недоступное моему детскому разумению.

Памятник А. Н. Радищеву был обращен не к деревне Немцово — месту последней ссылки писателя, а на дорогу, бегущую от «развилки» на юг, к Калуге.

Получалось так, что Радищев смотрел не в сторону отцовского имения, а на восток — туда, где в сибирской ссылке он провел долгие семь лет, в ту сторону, откуда «произрастали азиатские корни» рода Радищевых.

Осенью мы собирали картофель на полях, которые вдохновили Радищева написание первой отечественной агрономической книги, а свои пионерские костры дружина радищевской школы устраивала, как и следовало того ожидать, на радищевской земле. О проживании Радищева в Немцове напоминали заброшенный пруд, кусты сирени, большой серебристый тополь и обелиск с памятной надписью у обочины калужской дороги. Костры, складываемые в виде шатров, возносили пламя в небеса подобно обрядовым кострам древних славян. Песни, разносившиеся над долом Карижки, будоражили пространство окрест. В тех самых местах, где Радищев сочинял поэму «Песни, петье на состязаниях, в честь древних славянских божеств» плясало пламя, «взвивались кострами синие ночи».

Позже, во время учебы в Москве, когда доводилось ходить на занятия по одной из улиц в районе Таганки, мой взгляд всякий раз падал на памятную доску, посвященную А. Н. Радищеву. В сознании сама собой выстраивалась цепочка ассоциаций: радищевская школа, «родная развилка», отчий дом. Благодаря этому Таганка не казалась чужой. Годы спустя, мне довелось быть в Лейпциге, и на улочке старого города я обнаружил вдруг — мемориальную доску с именем А. Н. Радищева...

Про Радищева неверно сказать, что он опережал свое время — ведь герои живут вне времени, самой силой своего духа бросая вызов привычному порядку вещей. Бессмертие классиков определяется тем, что им подвластна некая внутренняя природа вещей, которая столь глубока, что суть явлений, подмеченных ими и разыгрываемых на подмостках жизни, — оказывается в любые времена все той же. Не потому ли многое из того, о чем говорил на исходе 18 века Радищев, не выглядит сегодня менее актуальным?

«... Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

Всего лишь через 15 лет после пугачевского восстания, в 1790 году, вышло в свет собственноручно напечатанное Радищевым «Путешествие...». Возможно поэтому, реакция императрицы была столь яростной, исполненной еще не избыточного страха. Не так ли поступали деспоты древности, казнившие гонцов, приносивших печальные вести? Радищев предсказал и грядущий бунт и скорое — через какую-нибудь сотню лет падение царства. Поразительно, но годы 1790 и 1917 оказались даже «нумерологически» связанными.

Радищев возглавляет печальный список гениальных и трагических личностей русской литературы. Словно бы всякий, дерзающий узнать нечто о пламени, питающем человеческий дух, должен сжечь в этом пламени свою собственную судьбу, а за провидческий дар обрекается на «горе от ума», на космическое одиночество, на тьму непонимания и «скрежет зубовой».

Не в том ли причина гонений, под которые попадают пророки и просветители, — что «обыденное» сознание боится истины и восстает на всякого, кто нарушает его вековечный сон — «сон невежества рождающий чудовищ», так похожих на то, что «обло, озорно, огромно, стозевно, и лайй»? Главная причина бед человеческих — невежество! Произрастающее повсеместно и буйно, подобно сорнякам на тучной почве, «невежество — эта лучшая в мире наука, которая дается без труда и не печалит душу».

Теперь, десятилетия спустя после «школьной программы», я заново открываю для себя Радищева. Расшифровываю замысловатые речевые обороты двухсотлетней давности и жалею, что не случилось Радищеву писать двумя десятилетиями позже, когда русский язык и его литературные формы, во многом благодаря усилиям самого же Александра Николаевича, стали проще и изящнее. Почему-то до сих пор никто из литераторов не решился адаптировать язык творений Радищева, чтобы сделать его понятным современному читателю; а пока его мысли для нас — будто послания древнего мудреца. Послания известные, но близкие, увы, по-прежнему лишь немногим:

«... Прежде нежели (как будто новый некий провидец) я прорекнул человеку, что он будет или быть может по разрушении тела его, я скажу, что человек был до его рождения...»

«... Человек по смерти своей пребудет жив; тело его разрушится, но душа разрушиться не может: ибо несложная есть; цель его на земле есть совершенствование, та же пребудет целию и по смерти; а из того следует, как средство совершенствования его было его организациею, то должно заключать, что он имеет будет другую, совершеннейшую и усовершенствованному его состоянию соразмерную».

«... Шествуй по стезе, природою начертанной, и верь: если поживешь за предел дней твоих и разрушение мысленности не будет твой жребий, верь, что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию, ибо тот, кто сотворил тебя, тот существу твоему дал закон на последование; коего устранишься или нарушить невозможно; зло, тобою соделанное, будет зло для тебя. Ты будущее твое определяешь настоящим; и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта».

Место рождения Радищева точно не известно, но есть предположение что он родился в деревне Немцово, 20 августа 1749 года. День рождения его пришелся на праздник яблочного Спаса. Спустя 53 года, подготовив завещание, он сам выбрал день для ухода, как воин чести, не желающий унизительного пленения, как мудрец, осознавший завершение своей миссии. Произошло это с 11 на 12 февраля 1802 года. Это время отмечено в народном календаре, как «морозобитая былинка». По существующим поверьям, яблоки, битые морозом, «поднимают жизнь» того, кто родился в этот день.

«... Я уйду в небольшой лесок, который находится недалеко от моего сада, где нет ничего кроме яблок. Я гуляю в лесу...»

(из письма А. Н. Радищева другу)

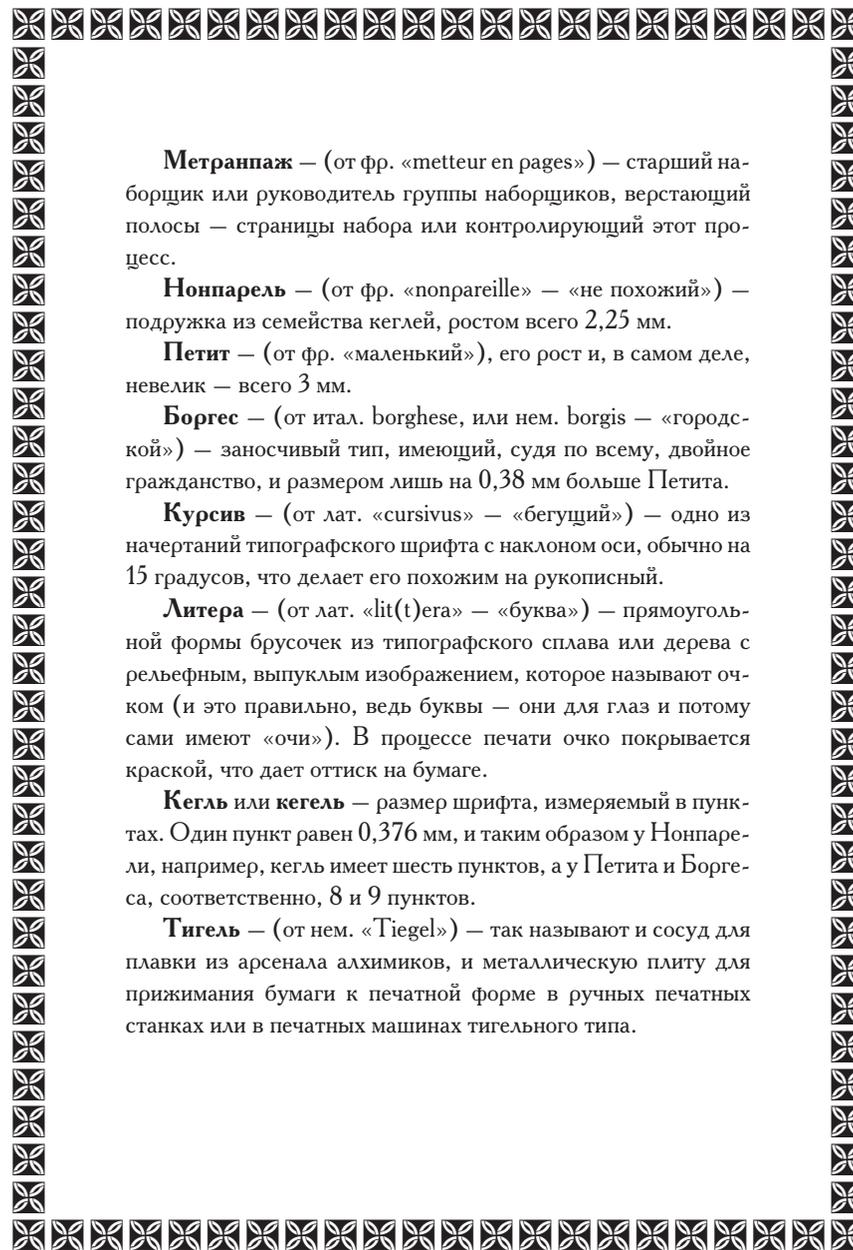
Сады метранпажа (вместо послесловия)

Вначале, как известно, было Слово. Потом славословия и песнопения, гимны, танцы и все такое прочее. Позже жизнь упорядочилась под мудрым руководством девяти муз, дочерей Зевса и Мнемосины. Отношение к поэзии в те далекие времена было столь серьезным, что за поэтическое творчество «отвечали», порой даже «по совместительству» не одна, а три музы: Каллиопа — покровительница эпоса, Эрато, опекавшая любовную поэзию, и Евтерпа — муза лирической поэзии и музыки. Можно предполагать, что матерью десятой музы — Полиграфии была все та же богиня памяти — титанида Мнемосина, а отцом, скорее всего, — бог кузнечного дела Гефест.

В чреве пышущих жаром линотипов, будто в недрах вулканов, расплавленные металлы застывают, обретая отточенные формы шрифтов, для начертания слов и созвучий. А какие имена у шрифтов! Изящные, как у породистых коней: Бриллиант, Диамант, Перл, Нонпарель, Миньон, Петит, Боргес, Корпус, Цицера, Миттель, Терция, Текст. Рост этих чудо-рысачков принято обозначать совсем уж «игрушечным» словом — «кегель». Мелковат размер кеглей и шрифтов: в первой десятке всего-то — от 1,13 до 5 миллиметров. Хлопотно же было наборщикам управляться с этим бисером! Почему было? Потому, что теперь, заменяемые шустрými компьютерами, уходят в «типографические музеи», в «сады метранпажа» — и ручной труд наборщиков, и тяжелая поступь «печатных орудий».

Проходит то время, когда о полиграфии можно было сказать: «Там в тиглях плавятся кегли...» Таким оно было — царство полиграфии: кузнечное дело и кропотливая «вышивка» литерами шрифтов на линейках наборщиц, металлическая пыль ввевшаяся в кожу рук и белизна бумажных полотен.

Ребенком еще я вдыхал ароматы мелованной бумаги, прогуливаясь в Ее садах, засыпал под рокот печатных машин — такими были «газетные дни» в исполненные трудового героизма 60-е годы. Полуночные сны в укромном «эрмитаже», что располагался в копне бумажных обрезков... Феерические сны под шелест крыльев Пегаса, запряженного в «корректорскую карету» редактора. Урожденный сын полиграфиста — могу ли я не воспеть красоту Ее садов?

Метранпаж — (от фр. «metteur en pages») — старший наборщик или руководитель группы наборщиков, верстающий полосы — страницы набора или контролирующий этот процесс.

Нонпарель — (от фр. «nonpareille» — «не похожий») — подружка из семейства кеглей, ростом всего 2,25 мм.

Петит — (от фр. «маленький»), его рост и, в самом деле, невелик — всего 3 мм.

Боргес — (от итал. borghese, или нем. borgis — «городской») — заносчивый тип, имеющий, судя по всему, двойное гражданство, и размером лишь на 0,38 мм больше Петита.

Курсив — (от лат. «cursivus» — «бегущий») — одно из начертаний типографского шрифта с наклоном оси, обычно на 15 градусов, что делает его похожим на рукописный.

Литера — (от лат. «lit(t)era» — «буква») — прямоугольной формы брусочек из типографского сплава или дерева с рельефным, выпуклым изображением, которое называют очком (и это правильно, ведь буквы — они для глаз и потому сами имеют «очи»). В процессе печати очко покрывается краской, что дает оттиск на бумаге.

Кегль или **кегель** — размер шрифта, измеряемый в пунктах. Один пункт равен 0,376 мм, и таким образом у Нонпарели, например, кегль имеет шесть пунктов, а у Петита и Боргеса, соответственно, 8 и 9 пунктов.

Тигель — (от нем. «Tiegel») — так называют и сосуд для плавки из арсенала алхимиков, и металлическую плиту для прижимания бумаги к печатной форме в ручных печатных станках или в печатных машинах тигельного типа.

Сады метранпажа

(Посвящается моему отцу — Воронцову Валентину Федоровичу — метранпажу газеты «Маяк», Сергею Тимофеевичу Скорюкину — мастеру малоярославской типографии)

В садах метранпажа не всходит луна,
Дождей нет, не кружат метели,
Куртин и бордюров — прямые углы,
Баллад не поют менестрели.

Но, в чаще колонок, диковинный зверь, —
Зебра по имени Нонпарель,
Гуляет в стволах параллелей,
И пес горделивый по кличке Боргес
Глядит сквозь решетчатые двери
На то, как резвятся Петит и Курсив,
И разные прочие звери.

Там в свете вольфрамовых солнц свинцовый лоснится бисер,
И в грохот печатных орудий, застрявший в оглохших ушах,
Проходит мастер Скорюкин, вельможно-веселый сир.
Наборщиц скорые руки мелькают, трепещут крылами,
Литер зерна вплетая в причудливое шитье...
(Я думаю, что и «там», дед чай пьет с малиной

— в галошах,

Пока мы тут продолжаем нехитрое житие).

В садах метранпажа — сводки с полей,
Забота о детях и хлебе,
Борьба и страда, и победы труда:
Что ни месяц — спутник на небе!

Мне снится порою, как время струится
Сквозь сито газетного шрифта,
Чтоб на папирусах белых свой четкий оставить узор;
И отец мой — «мачо», в доспехах грамот почетных, —
Метранпаж у трона Полиграфии,
орлиный, усталый взор...

***

Как-то, когда мне было лет 12, отец взял меня с собой к деду Тимофеичу — пилить дрова. После нескольких часов тяжелой работы силы мои почти иссякли, и я с нетерпением ожидал спасительного обеда. Пока мы смыли жаркий пот, — дед поливал нам из ковшика, — хозяйка, такая же подвижная и насмешливая, как и ее муж, накрывала стол в саду.

Южная сторона дедова сада выходила на овражистое русло ручья, — того ручья, что начинается у городской площади, течет на восток и впадает в Ярославку. Со стороны ручья доносилось журчание воды. Солнце было в зените, лучи его пробивались сквозь листву старых яблонь и играли бликами на скатерти стола. Отчего-то вдруг настроение мое стало праздничным.

Когда подали чай с малиновым вареньем, дед велел нам одеть галоши, — чтобы не простудиться. Странное дело, но и отец мой, обычно не расположенный к подобного рода чудачествам, охотно повиновался. Глаза Тимофеича светились удовлетворением и лукавством. Неспешно текла беседа, в ходе которой метранпаж и мастер чередовали чай с рюмкой.

Отворив ветхую калитку, я спустился к ручью, вдохнул густой, настоенный на ароматах трав воздух. От прогретого склона за моей спиной исходило тепло, — там возвышался сад, а от воды веяло прохладой. Солнечный свет сверкал, отражаясь в струях ручья. Меня окутал удивительный покой. Впервые тогда я ощутил дыхание древних сил, взрастивших наш город...

Компьютерная верстка: *Александр Журавлев*

Николай Воронцов

Вишнёвая пряжа (стихи, эссе).

Издательство САТТВА

ЛР №065034 от 28.02.97

Подписано в печать 23.10.01.

Формат 60×88/16. Тираж 999 экз.

Объем 1,5 печ. л. Гарнитура Академическая.

Напечатано с готовых диапозитивов в малоярославецкой
типографии.